

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ

ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 9

ДРУИД

ЦЕНА ВЕЧНОСТИ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 9. Цена вечности

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 9. Цена вечности / В. Молотов — «Автор», «Автор»,
2026 — (Дубровский)

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову. Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду. На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли. С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ. Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	31
Г	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 9. Цена вечности

Глава 1

– Ты в отчаянии, Дубровский, раз опускаешься до лжи, – сказала Ярина чужим голосом.

– Опустился бы, не будь у меня настоящего ответа, – ответил я ему. – Посмотри в её воспоминания, они ведь тебе доступны. Посмотри на тело, которое мы уже вернули одной ушедшей душе. Это твой единственный вариант.

Говорил я вкрадчиво и негромко. Выбора у Тенелиста и в самом деле не оставалось.

Всю его магию, включая жизненную силу, забрала моя ловушка. Тело его лежало бездыханным рядом с ней, на краю аномалии, под снегом. Пути назад у Тенелиста больше не было, и мы оба прекрасно это понимали.

Ярина медленно закрыла глаза, не опуская ножа. Веки её подрагивали, под ними быстро бегали зрачки, и я понимал, что сейчас он перебирает её память.

В её памяти был подвал с сидящим на лавке липовым големом, шарниры из морёного дуба, живой стержень в позвоночнике, выращенный её руками. И Вельский – вернувшийся к жизни в дереве и заговоривший.

Варвара на другом конце стола сидела неподвижно и смотрела на Ярину, не моргая. Вениамин рядом с ней всё ещё держал солонку, и пальцы его побелели на стеклянных гранях.

Всё это время я считал про себя, не сводя глаз с ножа. Нужно было выиграть как можно больше времени...

– Вижу, не врёшь, – произнесла наконец Ярина, не открывая глаз. – Мастера этого здесь только нет.

– Ну так попросим графа прислать его снова. Не вижу проблемы.

На несколько мгновений она задумалась, склонив голову к плечу. Лиза за моей спиной перестала дышать.

Затем Ярина убрала нож от шеи и медленно опустила его на скатерть. Губы друидки растянулись в усмешке – совершенно чужой, принадлежавшей Тенелисту.

– Нет, Дубровский, – хмыкнула она. – Я, пожалуй, отклоню твоё предложение. Молодое тело этой девицы нравится мне куда больше. Пусть даже женское.

– Это было предсказуемо, – кивнул я.

Улыбка медленно сошла с её лица, и губы сжались в тонкую линию. Глаза сузились, и я увидел в них то, чего он не сумел спрятать: он понял, что весь наш разговор я лишь тянул время.

Тем временем на стол запрыгнула та самая щепка, которую я сберёг после графской темницы. Теперь она выглядела иначе. Деревянный фамильяр вытянулся, раздался вширь и превратился в маленькую деревянную стопку, заполненную до краёв прозрачной жидкостью.

Стопка проскакала по скатерти между блюдом и хлебницей, не пролив ни капли, и замерла у моей руки. Я схватил её и выплеснул содержимое прямо Ярине в лицо.

Всё произошло очень быстро. Она отшатнулась и вскинула руку за ножом, схватила его, но было поздно. Одного вдоха ей хватило с избытком. Глаза её закатились, и нож выскользнул из разжавшихся пальцев на пол.

Лиза сорвалась с места первой – она была ближе всего – и успела подхватить Ярину, не дав ей удариться головой о пол.

Я выдохнул с облегчением. Сработало.

Щепку я отпустил из кармана ещё в ту минуту, когда распахнулось окно. Отдал ей приказ мысленно, не шевельнув губами, потому что любое слово вслух услышал бы враг. Весь мой план зависел от одного: успеет ли фамилляр добежать до подвала, привлечь внимание деда и вернуться назад.

Из стены у буфета выплыл Валерьян, и я сразу заметил, что сквозь него теперь просвечивают узоры на обоях. Дед стал ещё бледнее, и теперь видеть его мог только я. Показаться остальным сил у него не хватало.

– Ты даже не представляешь, сколько своей энергии я на это потратил, – проворчал он, опускаясь рядом со мной. – Призраку банку открыть и налить! Торопился как мог.

– Спасибо, – шепнул я.

– Спасибо, – передразнил дед. – Я, между прочим, чуть в той склянке не утоп. Рук нет, а пробку тащи. А щепка твоя объясняла так, что хоть святых выноси. Картинки одни, и те кувырком. Я три склянки перебрал, пока не понял, какую ты хочешь.

Потом дед посмотрел на Ярину, лежащую на полу, и лицо у него стало серьёзным.

– Он в ней глубоко сидит, внук, – сказал он тихо. – Одним сном его оттуда не выманишь.

– Знаю, – ответил я одними губами.

Он махнул на меня полупрозрачной рукой и втянулся обратно в стену. На обоях после него остался лёгкий иней, который тут же растаял.

Лиза же стояла на коленях у тела Ярины и держала её запястье.

– Что же теперь делать? – спросила она, не поднимая головы. – Он ведь так в ней и сидит. Я опустился рядом с друидкой и коснулся ладонью её лба. Холодный.

– Тенелист привязал её к себе ещё тогда, когда уничтожил её земли, – ответил я. – Поэтому и оставил в живых. Теперь их души соединены, и эту связь нужно разорвать.

– Тогда Тенелист будет повержен? – с надеждой спросила она и подняла на меня взгляд.

– Да. Но сделать это будет непросто, – сразу предупредил я. – Поднимаем её и несём.

– Куда? – Варвара уже стояла рядом. – В лечебницу?

– Дальше, – ответил я. – Туда, где Тенелиста смогут отделить от неё. Сами мы с такой задачей не справимся.

– А если она проснётся по дороге? – спросила Лиза. – Он ведь проснётся вместе с ней.

– До утра не проснётся, – пообещал я. – Дед наливал щедро.

Вениамин наконец разжал пальцы и поставил солонку на скатерть. Потом первым вышел в сени за тулупами, и Варвара кинулась за ним следом.

Только сейчас я заметил, что правая моя рука сжата в кулак. Ногти впились в ладонь так глубоко, что на коже остались четыре багровых полумесяца.

– Степан! – позвал я. – Виктора ко мне. Немедленно.

Пока Ярину укладывали на лавку и укутывали в шубы, Виктор уже стоял на пороге столовой. Его взгляд прошёл по опрокинутому стулу, распахнутому окну, ножу на полу и остановился на друидке.

– Что произошло?

– Потом объясню, – ответил я. – Слушай внимательно. Отнеси ловушку к Истоку.

Виктор разом подобрался и перестал задавать вопросы.

– Там теперь лежит то, что осталось от Тенелиста. Бери перчатки, голыми руками её не трогай. И тело не трогай тоже, – объяснил я.

Он кивнул и вышел, на ходу зовя егерей. Через четверть часа со двора ушли сани: Виктор взял с собой двоих из моей гвардии и второго охотника и отправился туда, где мы оставили ловушку, на край аномалии.

Ярину мы понесли к Истоку самой короткой дорогой из возможных – насколько вообще путь к дальней границе мог быть коротким.

С нами была Лиза, а близнецы отправились с нами, чтобы поддерживать Ярину в дороге. Об Истоке им пришлось рассказать всё по пути. Но сейчас меня это интересовало мало.

Ночь стояла глубокая и морозная, звёзды висели низко и крупно. Снег скрипел под ногами так, что слышно было на весь двор.

У самой опушки, за последним фонарём, нас уже ждал Мох.

Дух-лось вышел из-за крайних елей навстречу, на ходу становясь всё больше и больше.

Мох повернул к Ярине светло-зелёные глаза без зрачков.

– Сажай её, друид, – сказал дух. – Довезу.

Я первым забрался Моху на спину и принял у Вениамина Ярину, усадил её перед собой и обхватил обеими руками. Лиза устроилась у меня за спиной, а близнецы вцепились в шерсть позади неё.

Варвара тихо ахнула, когда Мох выпрямился, и земля ушла вниз на добрых две сажени.

– Соли потом ещё пуд занесёшь, – проворчал дух и шагнул в лес.

Шёл он тяжело и совершенно беззвучно, мерно покачивая рогами. Снег под его копытами не проваливался, и ветви над тропой сами поднимались, пропуская рога.

А потом лес начал нам помогать. Сперва я этого не понял, потом заметил, что приметные места проходят мимо нас слишком быстро.

Старый расщеплённый дуб, до которого летом я добирался полдня, остался за спиной через четверть часа. Ручей, который обычно петлял по низине добрую версту, лёг под копыта Моха узкой полосой льда, и сразу за ним начался ельник, который должен был начаться куда дальше.

– Чуешь, друид? – не оборачиваясь, спросил Мох. – Весь лес за ней идёт.

– Чую, – ответил я.

– То-то же. Я такого с прадеда твоего не помню, чтобы лес за чужой девкой шумел. А тут шумит и помогает.

Тропа складывалась перед нами прямо на глазах. Деревья расступались и смыкались позади, земля подтягивала к нам нужные повороты и отбрасывала лишние, и путь, обычно занимавший всю ночь, сжимался до часа.

У границы своих земель Мох остановился и снова опустился на колени.

– Больше не могу, – признался он. – Дальше младшие понесут.

Мелкие духи уже ждали нас на границе. Из-под корней, из снежных шапок на еловых лапах, из дупел и сугробов выбирались зазимки, лесавки и прочая лесная мелочь, которая не уснула на зиму.

Сотни духов облепили широкий плетень из еловых лап, заранее кем-то связанный, и подняли его над снегом. Я уложил на него Ярину, и плетень поплыл вперёд, мягко покачиваясь, так что мы едва поспевали следом.

Лиза шла рядом со мной, держась за мой рукав, и смотрела на мелких духов во все глаза. Видела она их, скорее всего, впервые в жизни, и пальцы на моём рукаве то сжимались, то отпускали.

В тот момент я понял, до какой степени лес полюбил Ярину. Он чувствовал в ней друида, пусть чужого рода, и эта дикая, колючая девица за год успела стать для него своей. Каждое дерево на нашем пути тянулось к ней ветвями, а ели роняли на плетень снег с лап, пока мелкие не начинали возмущённо пищать.

Лес хотел её спасти и делал для этого всё, что мог.

К ущелью мы добрались непривычно быстро. Внизу, в каменной чаше, чернела вода Истока, и над ней поднимался лёгкий пар.

Спуск занял у нас несколько минут. Мелкие духи донесли плетень до самой кромки воды, опустили его на камень и рассыпались по склонам.

Ветер в ущелье дул странно, и я заметил это сразу. Он шёл со всех сторон разом, со склонов и из леса, и стекал вниз, к чаше. Снег с краёв обрыва сдувало прямо в воду, и снежинки таяли над ней, не долетая. Словно здесь был эпицентр бури.

– Холодно-то как, – Вениамин поёжился и подтянул воротник. – И ветер какой-то неправильный.

– Потому что время у Истока на исходе. Впрочем, как и у Ярины. Снимайте с неё все листья, надевайте рубаху, – указал я на друидку.

Варвара с Лизой быстро сняли с Ярины шубу и платье. Вениамин в это время отвернулся. И даже огоньки Данилы, которых мы взяли, в этот момент отплыли подальше.

Я поднял друидку на руки и шагнул к краю чаши.

Вода обожгла ледяным холодом, и сапоги у меня промокли сразу, едва я ступил на нижний камень. Ярину опустил в воду по грудь и придержал её голову над поверхностью.

– Она же замёрзнет, – Лиза присела на корточки у самой кромки. – Всеволод, вода ледяная.

– Вода Истока не даст ей замёрзнуть, пока она в ней, – ответил я. – Замёрзнет она потом, на воздухе. Держите шубы наготове.

Вениамин опустился рядом с Лизой, взял Ярину за запястье и начал считать удары, беззвучно шевеля губами.

– Шестьдесят, – сказал он через минуту. – Ровно. Спит крепко.

Лицо её в воде было спокойным и бледным до синевы. Под сомкнутыми веками зрачки снова начали бегать.

Я выпрямился, достал нож и провёл лезвием по левой ладони. Кровь выступила тёмной полосой и потекла по пальцам.

– Что ты делаешь? – прошептала Лиза.

– Отправляю Истоку просьбу хозяина этих земель, – ответил я и опустил ладонь в воду рядом с Яриной.

Кровь ушла в воду тонкими нитями, и Ярина под моей рукой медленно опустилась глубже, до самого подбородка.

– Когда мы уничтожили тварей и их озеро, подземную реку завалило, – сказал я Лизе, потому что она смотрела на меня и ждала объяснений. – Исток оказался отрезан от жилы, из которой прежде черпал силу, и не смог восстановить проводящие пути самостоятельно.

– И что с ним стало?

– Вместо того чтобы отдавать силу этим землям, воронка пошла в обратную сторону. Теперь она питается энергией от всего вокруг. От леса, от земли, от нас с тобой, если постоим тут подольше. Ищет силу, чтобы пробиться к жиле в недрах. Чтобы вернуть всё, как было.

Лиза обхватила себя руками и оглянулась на склоны, по которым тянулся к чаше снег.

– И ты знаешь, как это починить?

– У меня есть теория, – ответил я. – Как раз её мы сейчас и проверим. Впрочем... выбора у нас всё равно нет.

Сверху, с края обрыва, донеслись скрип полозьев и голоса. Виктор спускался по ступеням первым, и в руках у него, в толстых кожаных перчатках, был тяжёлый свёрток из мешковины.

Держал он его на вытянутых руках, подальше от себя, и спускался так осторожно, что егерям позади приходилось сдерживать шаг.

– Кидай в воду, – спешно велел я.

Виктор размахнулся и бросил свёрток в чашу.

– Фух! – выдохнул он. – Еле донес! Спешили как могли.

Мешковина развернулась в полёте, и я увидел установку – переплетение металла и почерневших жил, прежде чем она ушла под воду.

– Тело Тенелиста там было, – продолжил Виктор, стягивая перчатки и брезгливо встряхивая пальцы. – Только лежит он так, будто умер не пару часов назад, а пару лет. Всё уже сгнило.

– Ловушка выпила его досуха, – кивнул я.

Вода в чаше вздрогнула от края до края. По поверхности пошла мелкая рябь.

Я почувствовал это ладонью, всё ещё опущенной в воду, и понял, что Исток принял плату.

Сначала он взял первую её часть – душу. Из Ярины к центру чаши потянулась серая нить. Она натянулась, задрожала и лопнула с тихим звуком, и Ярина под моей рукой обмякла.

Второй частью платы стала ловушка, и за неё Исток взялся следом. Вся сила, которую она выпила из Тенелиста, вся краденая жизненная сила, веками высасываемая им из чужих лесов, пошла в воду. Чаша загудела низко и глубоко, и гул этот я ощутил зубами.

Потом переменялся и ветер, гулявший над ущельем всю ночь. Он стих на мгновение, так что снег над чашей повис в воздухе неподвижно, а потом дунул в обратную сторону, от Истока вверх по склонам, к лесу. Снег полетел прочь от воды, и по ущелью прошёл тёплый влажный воздух.

– Всеволод, – Виктор схватил меня за плечо. – Земля...

Гул пошёл из глубины, из-под ущелья, из-под всей округи. Почва под ногами дрогнула, по склонам поехали камешки, и снег с верхушек елей над обрывом посыпался вниз.

Толчок оказался коротким, и по склонам лишь прошла дрожь. Потом всё стихло, и друидским чутьём я почувствовал, как глубоко под ущельем Исток наконец пробился к земной жиле.

Баланс был восстановлен.

Ярина открыла глаза и рывком подняла голову над водой.

Она смотрела прямо на меня, и зрачки у неё были огромные, во всю радужку. Губы дрожали, а пальцы под водой судорожно сжимались и разжимались.

– Сила, – прошептала она. – Я чувствую силу. Она проходит через меня!

Я сразу понял: Исток восстановился, а первые потоки пошли прямо через неё. Ярина стала его проводником, потому что лежала в самой чаше, и сила не стала искать другой дороги.

– Она краснеет. От неё уже пар идёт! – забеспокоился Вениамин.

Понял, что она сгорит в считанные минуты, если ничего не предпринять.

Потоков оказалось слишком много для одного человека. Я чувствовал, как они накатывают на неё один за другим, всё сильнее. Ярина дрожала всем телом и ничего не понимала.

Она подняла руку из воды и уставилась на свои пальцы. Губы у неё дрогнули, лицо на миг сморщилось, и по мокрым щекам потекли слёзы, которые она даже не пыталась вытереть.

– Его нет, – выдохнула она. – Дубровский, его во мне нет... Больше нет...

Я подхватил её под мышки и вытащил из воды на камень. Вода текла с неё ручьями, рубаха облепила тело, и от кожи поднимался пар, который становился всё гуще.

– Ярина, смотри на меня, – велел я. – Отправь излишки в подземелья. Они прямо под нами. Пусть там прорастают.

Она поняла меня сразу и коротко кивнула. Ярина обхватила меня за шею и прижалась лбом к моему лбу, и я увидел её глазами то, что в этот миг показывал нам обоим лес.

Под ущельем тянулись ходы, и от них на запад, под самую границу, уходили водяные жилы. Там не было никакой защиты от аномалии. Печати стояли наверху, на суше, а внизу по воде всегда можно было пройти.

Теперь там прорастал лес с пугающей скоростью. Сила из Истока шла через Ярину вниз, в темноту, и из камня поднимались толстые корни. Они сплетались между собой и затягивали ходы сплошной стеной, от пола до свода.

Так решилась ещё одна проблема, давно не дававшая мне покоя. Твари шли на мои земли именно оттуда. Наверху их сдерживали печати, а снизу ничего не сдерживало, и чаще всего по той воде к нам просачивались твари, на которых охотились мои егеря.

Ярина выпустила последний излишек и обмякла у меня на руках. Лиза тут же накинула на неё шубу, Варвара – вторую, и вдвоём они закутали её до самого носа.

– Всеволод, – Лиза отогнула край шубы на левой руке Ярины. – Смотри.

Серой коры на предплечье больше не было. Кожа на её месте осталась гладкой и розовой, без единого следа.

Ярина крупно дрожала у меня на руках, и зубы у неё стучали.

– Умру от холода, – выговорила она с трудом.

Вениамин подошёл ко мне и протянул руки.

– Можно?

Я кивнул и передал ему Ярину вместе с шубами. Вениамин прижал её к себе, закрыл глаза и начал вливать в неё целительскую силу.

Дрожь постепенно отпустила её, сначала в плечах, потом во всём теле. Лицо разгладилось, и на щеках проступил румянец.

– Тепло, – прошептала Ярина и уткнулась носом Вениамину в шею. – Долгожданное тепло. Спасибо тебе.

Вениамин покраснел до ушей – и не от мороза, – но рук не разжал. Лиза смотрела на них и улыбалась, не пряча этого от меня. Всё-таки благодарность от друидки можно услышать нечасто.

Так мы и пошли обратно, оставив за спиной притихшую чашу. Виктор вскоре поравнялся со мной и некоторое время шёл молча, глядя на снег, который ветер нёс от ущелья к лесу.

– Исток теперь починен? – спросил он наконец.

– Да, – ответил я. – Потоки вернулись в прежнее русло. Мы вложили в Исток столько силы, что хватило восстановить всё, как было. Энергия из недр земли снова будет питывать эти земли, а не наоборот.

Виктор присвистнул и покачал головой, стряхивая снег с шапки.

– Своей силы тут не хватило бы и на десятую долю. А у Тенелиста её было на три моих жизни. Конечно, не вся она продлевала ему жизнь, ведь энергия бывает разных типов, – продолжал я. – Он использовал силу жизни, а остальные виды маны просто копились в нём. Их и забрала ловушка.

– Да я её едва донёс, по пути всё время казалось, что лопнет. Там её точно было не на одну человеческую жизнь.

Обратно к поместью мы вышли тем же способом, тоже всего за час. Я велел отвезти Ярину в лечебницу, согреть и уложить в горячую купель.

– Нет, – сказала она, едва услышав приказ.

Голос у неё ещё был слабым, и Вениамин держал её на руках, но глаза уже смотрели ясно.

– Он мёртв, – продолжила Ярина и усмехнулась. – Я хочу это отпраздновать.

– Сперва нужно восстановиться, – напомнил я. – Сейчас ты стоять сама не можешь.

– Нет, ты не понимаешь. Когда-то он забрал у меня самое дорогое. А теперь я смогу это вернуть.

– О чём ты? – нахмурился я.

На миг я заподозрил, что вместе со связью Ярине досталось что-то ещё от Тенелиста. Когда серая нить рвалась, друидка была с ним связана крепче даже, чем с лесом, и часть его воспоминаний или знаний могла остаться в ней.

Её ответ подтвердил мою догадку.

– Мой лес он пожрал дотла, – напомнила Ярина. – Я знаю, что именно он сделал. И теперь чётко вижу, как всё исправить. Дубровский, ты поможешь мне?

– Это и есть тот праздник, что ты хотела?

– Да, – ответила она. – Это то, чего я хочу больше всего на свете. И начать я готова с этих земель.

Вениамин так и замер с ней на руках посреди тропы к санаторию.

– Как? – спросил я. Пока её слова не складывались в связную картину.

Ярина посмотрела на запад и твёрдо ответила:

– С помощью аномалии.

Глава 2

Вениамин замер посреди тропы с Яриной на руках, и от её мокрых волос в морозный воздух поднимался пар.

– С помощью аномалии? – переспросил я. – Один из моих предков запер её девятью печатями, чтобы она ничего живого извне не касалась.

– А касаться она умеет лучше всех на свете, – Ярина говорила медленно, но смотрела твёрдо. – Тенелист так и сделал, Дубровский. Пустил её в корни моей рощи, и она распустила лес, точно ткань, нитка за ниткой. А онпил всё, что распустилось.

Лиза шагнула ближе и взяла её за запястье, и я увидел, как она беззвучно шевелит губами, считая удары.

– И ты хочешь сделать то же самое, только в обратную сторону, – понял я.

– Хочу. Аномалия сама по себе ничего не решает, она только переделывает. Дай ей мёртвое без мерки, и выйдет урод. Дай мерку, и она сделает как надо.

– А мерку кто даст?

– Духи твоего леса. Они помнят его – каждое дерево, каждую тропку, – голос у неё сел. – Узор поведу я, а мерку пусть держат они.

Позади меня Виктор переступил с ноги на ногу, и снег под его сапогами скрипнул на всю округу.

– А растить где? – спросил он.

– За межой, у самой кромки, – Ярина прикрыла глаза. – Там, где Дубровский мне химер растить позволил. Земля там тоже мёртвая. Тенелист выпил из неё всё живое, когда подбирался к этому лесу. Вот с этих земель я и начну.

– А старая роща? – спросил я.

– Старую потом. Сначала выращу новую здесь, под боком у твоего леса.

– Одна не сладишь.

– Не слажу, – согласилась она неожиданно легко. – Силу аномалии на меже удержишь только ты, и духи твои пойдут к кромке только по твоему слову. Меня они любят, а слушают хозяина.

– Хорошо, – сказал я. – С духами договариваться буду я.

– Только не сегодня, – Лиза отпустила её запястье. – Пульс сто двадцать, и руки ледяные. Сутки сна, Ярина. Потом хоть в аномалию, хоть к лешему на рога.

– Сутки? Да я хоть десять лет готова ждать, лекарка.

– Значит, и сутки подождёшь. Будешь спорить – выйдет двое.

Ярина открыла было рот, посмотрела на Лизу – и промолчала, и я впервые на своей памяти увидел, чтобы друидка так быстро сдалась.

– И одна она никуда не пойдёт, – добавила Лиза. – Только с лекарем.

– Я пойду, – вызвался Вениамин раньше, чем она договорила.

Варвара за его спиной закатила глаза так выразительно, что я разглядел это даже в темноте.

– Кто бы сомневался, – фыркнула она. – Ты её от самого Истока из рук не выпускаешь.

– Мне так удобнее считать пульс, – с достоинством ответил Вениамин, и уши у него запылали.

Ярина промолчала, но и слезать с его рук не стала, и до самого санатория мы шли под один только скрип снега.

В лечебнице Ярина проспала целые сутки, и за это время Лиза дважды выставляла из её палаты Вениамина с его тетрадью.

Останки Тенелиста сожгли в тот же день. Данила держал над ними белый огонь до тех пор, пока на краю аномалии не осталась одна оплавленная яма.

Мы собирались выйти затемно, и я ещё сидел над картой в кабинете, когда от книжного шкафа потянуло перегаром.

Валерьян проступил на обоях бледным пятном, и сквозь его плечо я различал корешки книг на полке.

– Веретянниковы, – проговорил он, заглядывая в карту. – Наши рода издавна были союзниками, внук. Поможешь ей, так сделайте всё по старому обычаю. Соседи на меже руку другу другу дают, при духах. Духи такое помнят крепче людей.

– А без обычая нельзя?

– Можно, – он поморщился. – Только потом не жалуйся.

Он истаял раньше, чем я успел спросить о его самочувствии, и на обоях после него остался лёгкий иней.

Дух Мох ждал меня у опушки, и наст под его копытами лежал нетронутым.

– Соли, друид, теперь два пуда, – сказал он вместо приветствия. – Второй раз за три дня катаю.

– Будет тебе хоть три пуда, – пообещал я.

– Заметь, я тебя за язык не тянул.

Ярина подошла ко мне в своей лиственной шубе, с мешочком на поясе, а Вениамин шёл следом с лекарской сумкой через плечо.

Тишь пришла к опушке на мой зов, и я смотрел, как золотые полосы на её боках разгораются и гаснут в такт движению.

Мох донёс нас до края своих земель меньше чем за час и лёг в сугроб. По прижатым ушам я сразу понял, что разговор будет непростой.

– Мелкие к кромке идти не хотят, – сказал он, не дожидаясь вопроса. – Боятся. Там всё кривое делается, и дух оттуда кривым вернётся.

Я опустил на колено и положил ладонь на снег, и мне тут же откликнулась вся лесная мелочь в округе.

Зазимки полезли ко мне с еловых лап, лесавки выбирались из сугробов, и каждый из них показывал мне одно и то же.

Я видел зайца с лишней парой ушей и берёзу, которая росла корнями вверх, и вместе с этими образами чувствовал страх духов.

– Что они показывают? – шёпотом спросил Вениамин.

– Кромку, – ответил я. – Там у них на глазах всё живое меняется. Вот и боятся.

– А как вы с ними разговариваете?

– Картинками. Они показывают мне, я показываю им. Словами у нас один Мох говорит.

– И то не со всяким, – проворчал Мох.

– Слушайте, – сказал я вслух, чтобы Ярина и Мох тоже слышали. – За кромку вы не пойдёте. Сядете на крайних деревьях моего леса и будете оттуда показывать, каким бывает живой лес. Силу из аномалии пускаю я сам, по капле, и закрою её при первой же кривизне.

Одновременно я показал им образ, который держал в голове с ночи: молодую рощу за межой, стоящую стеной между моим лесом и аномалией.

Мелочь притихла, потом по еловым лапам прошёл шорох, и первый зазимок осторожно перебрался на ветку поближе к западу.

– А коли кривь всё ж полезет? – спросил Мох.

– Тогда закрою, – сказал я. – Мелкие останутся на моей земле, там их не достанет.

– Стена, значит, – Мох шумно выдохнул. – Это – дело доброе. Только без хозяйки роща не выстоит, кривь её за зиму обратно съест.

– Хозяйка будет, – сказала Ярина. – К весне перееду туда насовсем. Зиму пересижу в своём углу у вас в лесу, а там стану вам соседкой.

– Добро, – Мох повернул ко мне тяжёлую голову. – И по обычаю пусть будет, друид. Соседи на меже руку дают при нас. Мы такое помним.

– Видишь, Дубровский, даже духи за, – Ярина хмыкнула, и в голосе у неё прорезались прежние колючки. – Руку, значит, просят. Тут у нас, выходит, сватовство.

– Межевой союз, – поправил я. – Кто за кого встанет, если аномалия снова ползет.

– Скучный ты, – вздохнула она. – Ладно, пусть будет межевой.

Мох фыркнул так, что с ближней ели обвалился снег, и я решил считать это одобрением.

До западной межи мы дошли пешком, и я слышал, как мелкие духи тянутся за нами по верхушкам елей.

Мой лес кончился у крайней живой сосны, а за ней на двести шагов тянулась мёртвая полоса, и дальше дрожал воздух аномалии.

За межей редко торчали серые стволы с чёрными пятнами на коре, и мёртвая трава хрустела под снегом при каждом моём шаге.

Я приложил ладонь к ближайшему стволу, и чутьё моё ушло в него и нашло одну пустоту, которая никогда не жила и никогда не умирала.

– Это всё он? – тихо спросил Вениамин, оглядывая серые стволы.

– Он, – сказала Ярина. – Пришёл с кромки и полз к лесу Дубровского по живому, пока оно не кончилось.

– А почему её никто не вылечил?

– Некому было, – ответил я. – Земля ничья, хозяина у неё нет. Моя по эту сторону межи зажила, а сюда я не дотягиваюсь.

На дальнем краю полосы темнела оплавленная яма, где стояла моя ловушка, и тени от кустов у кромки расходились в разные стороны, словно солнц было несколько.

Тишь двинулась к кромке впереди меня, низко пригнув к земле клиновидную голову.

Сперва мы с Яриной встали по разные стороны межи, у крайней сосны, и я протянул ей руку через границу своего леса.

Ладонь была холодной, кожа – грубой и шершавой. Мою руку она пожала коротко и сильно.

– Второй раз по рукам бьём, Дубровский, – ухмыльнулась она. – В первый ты мне химер у аномалии разрешил.

– Помню, – кивнул я. – Ты тогда обещала, что твои детишки будут жрать только тех, на кого я укажу.

– И ведь ни одного пациента не съели, – Ярина прищурилась. – Цени.

Зазимки на ветках над нами разом осыпали нас снегом, и я почувствовал затылком тёплую волну – так лес принял нового соседа.

– Скреплено, – сказала Ярина тихо.

Я пошёл с ней на середину полосы, когда солнце уже клонилось к западу и от мёртвых стволов легли длинные тени.

Ярина развязала при мне свой мешочек, тот самый, что носила на поясе много лет, и высыпала на наст горсть угольно-чёрной земли.

– Пусть хоть горсть от старой рощи будет в новой, – сказала она и отряхнула ладони. – Теперь слушай, Дубровский. Силу аномалии пускаешь ты. Твой род веками держал её за печатями. Я веду узор, духи держат мерку. Сколько пускать, решаю я.

– А если я почувствую, что пора закрывать?

– Закрывай, не спрашивая, – она подняла на меня глаза. – Лишнее у неё выходит неправильно.

Вениамин молча взял её за свободное запястье и достал из кармана часы.

– Мне считать вслух? – спросил он.

– Считаю про себя, – велела Ярина, несколько грубо. – Вслух скажешь, если перевалит за сто сорок.

Сам я отошёл к оплавленной яме, упёрся одной ладонью в крайний мёртвый ствол, а другую опустил в серый снег у самой кромки.

Тишь легла у моих ног кольцом, приоткрыла золотые глаза и уставилась на дрожащий воздух.

Сила аномалии полезла в меня сразу, и даже пришлось стиснуть зубы, чтобы не отдёргнуть руку.

Она пыталась переделать всё, чего касалась, и я чувствовал, как у меня ноют ногти и зудит кожа на пальцах.

– Меньше! – донеслось с середины полосы. – Ещё меньше. Вот так. Держи!

Я пропускал силу через себя тонкой струйкой, и она уходила в мёртвый ствол, а оттуда по корням растекалась по всей полосе, к рассыпанной земле.

От крайних деревьев моего леса докатилась память духов, и мёртвая земля начала прислушиваться к ней.

Первым отозвалось место, куда Ярина высыпала свою землю, и снег там при мне осел и потемнел проталиной.

Из проталины полезли тонкие бледные ростки. Следом показались новые, разбегаясь всё дальше по полосе, и я слышал, как хрустит под ними мёртвая трава.

На третьей минуте кромка почуяла живое и навалилась всей тяжестью, и струйка в моих руках разом превратилась в поток.

Мёртвая осина у самой ямы пошла винтом, кора на ней лопнула длинной щелью с рваными краями, и ветки потянулись ко мне, загибаясь крючьями.

– Закрывай! – крикнула Ярина.

Я захлопнул поток, и отдача ударила мне в плечи так, что я упал на колено.

Тишь подняла голову и зашипела на кромку, и я почувствовал, как дрожь в воздухе стихает – сперва у ямы, потом дальше. Затем она посмотрела на осину в упор, и искорёженное дерево застыло, перестав тянуть ко мне ветки.

Я вытолкнул засевшую в осине кривую силу обратно за кромку, откуда она пришла, и дерево осело серой трухой.

– Сколько? – спросила Ярина у Вениамина, и голос у неё дрогнул.

– Сто тридцать шесть, – ответил он. – Ярина, может, хватит на сегодня?

– Половину, Дубровский! – крикнула она мне, не слушая его. – Дай половину прежней силы. И медленно.

Во второй раз я пускал силу по капле и держал струйку такой тонкой, что сам едва её ощущал.

Полоса оживала теперь медленнее, зато без искажений, и я больше не видел ни одного ростка, который тянулся бы к кромке.

Пятнистые мёртвые стволы трескались и осыпались на землю, а на их месте у меня на глазах поднимались молодые берёзы и рябины, сперва по колено, потом по пояс.

Я вдруг учуял в морозном воздухе запах сырой земли и талой воды, и под ногами у меня зачавкало.

Мне пришлось держать поток почти час, и к концу я перестал чувствовать собственные руки ниже локтей.

Последним поднялся дуб посреди полосы, в два моих роста, над той самой землёй из мешочка, и нижний край солнца к тому времени коснулся кромки.

Ярина стояла, прижавшись к нему лбом и обеими ладонями, и я видел, как под её пальцами молодая кора темнела и наливалась жизнью.

– Закрывай, – крикнула она, не отрываясь от ствола. – Хватит. Дальше он сам.

Я перекрыл силу и добрёл до середины полосы, а там сел прямо в снег, потому что стоять на ногах больше не мог.

Зазимки перебирались с моих елей на молодые деревца и затихали там, и я чувствовал, что назад они уже не вернутся.

Плечи Ярины задрожали, и Вениамин шагнул было к ней, но я поймал его за рукав.

– Дай ей минуту, – сказал я тихо.

Он остался стоять рядом со мной, и мы вдвоём смотрели, как друидка плачет, уткнувшись в кору своего дуба.

Ярина обернулась не сразу, и я увидел, что глаза у неё красные, но подбородок уже снова был упрямо вздёрнут.

– Я тебе должна, Дубровский, – выговорила она хрипло. – Не привыкай.

– Не буду, – пообещал я. – Бумаги на эту полосу Астахов выправит, раз она ничья. А старая роща?

– Потом. Новая до лета и без того будет забирать всё, что я смогу ей дать.

Вениамин снял с себя шарф и протянул ей, и Ярина взяла его, намотала на шею и не сказала ни одного колкого слова, что удивительно.

– Пульс сто десять, – сказал он, снова взяв её за запястье. – Тебе бы сесть.

– Ты мне весь день пульс считаешь, лекарь. Надоел уже.

– Мне так удобнее за твоим состоянием следить, – сказал Вениамин, и уши у него опять запылали.

До Мохы мы добрались уже в сумерках, и он долго принюхивался к ветру с запада, шевеля ноздрями.

– Соседи, значит, – сказал он наконец. – Соли четыре пуда, друид. За соседство.

– Три, – сказал я.

– Три так три, – проворчал Мох и опустил на колени.

Обратно он шёл медленно, и Ярина уснула у меня за спиной через четверть часа, привалившись к плечу Вениамина. А парень так и сидел на спине Мохы, не шевелясь, до самого крыльца.

– Нарочно она на него легла, друид, – негромко сказал Мох у крыльца. – Я видал.

– Видал, – согласился я. – И он тоже видел. Пусть сидят.

Утром под окном спальни раздался удивительно слаженный кашель сразу в несколько голосов. Руки после вчерашнего ещё ныли до самых плеч, и я подошёл к окну, растирая запястья.

Внизу топтались шестеро лёгочных в шубах, а перед ними стоял, опираясь на трость, седой господин со свёрнутой в трубку бумагой.

Сухомлин перехватил меня на лестнице. Пенсне поблёскивало, а лицо его сияло торжеством.

– Мы вас ждём, барон, – объявил он. – Ждём в зале. Лёгочный корпус пришёл с петицией. Возглавляет отставной майор Кречетов Лев Никитич, и позвольте заметить, подписей там двадцать две.

– О чём петиция?

– О кумысе, – Сухомлин скорбно сложил руки на животе. – Кумыса нет третий день.

Майор Кречетов оказался высоким худым стариком с прямой спиной, и он дважды коротко кашлянул в платок.

– Господин барон, – он развернул бумагу. – В описании вашего заведения значится кумысное питьё для страдающих грудью. Кумыс не подаётся третий день. От имени корпуса требую объяснений.

– Кумыс будет весной, Лев Никитич, – сказал я. – Кобылы зимой не доятся.

– То есть как не доятся?

Сухомлин с готовностью извлёк из-за пазухи записку, которую, судя по всему, берёт именно для этой минуты.

– Пишут степняки, – прочёл он с выражением. – «Кобылы жерёбые, молока не дают до весны, табун ушёл на зимовье. Кумыс будет, когда трава пойдёт».

Майор опустил петицию, и лицо его вытянулось, а седые усы обвисли.

– Жерёбые, – повторил он. – Все?

– Все до одной, Лев Никитич, – развёл руками Сухомлин. – Природа, знаете ли. Учёные люди тут бы сказали...

– Не надо учёных людей, – сказали мы с майором одновременно.

В залу вошёл Павел Демьянович с кувшином и стопкой кружек, и по его лицу я понял, что к этому разговору он готовился с вечера.

– Коровий кумыс, господа, – объявил он. – По старому рецепту. Молоко, сахар и дрожжи, двое суток в тепле.

Он разлил мне и гостям по кружкам мутную пенистую жидкость, и майор первым поднёс свою ко рту.

Старик отпил, подержал напиток во рту и проглотил, и усы его дёрнулись вниз.

– Это не кумыс, – буркнул он. – Это бражка для телят.

Остальные лёгочные попробовали следом, и по зале прокатился дружный кашель, на этот раз вовсе не от болезни.

– Будет вам кефир, – сказал я.

Павел Демьянович медленно поставил кувшин на край стола.

– Кефир, Всеволод Сергеевич? Кавказская диковина. Я читал в журнале, что горцы грибок дают в приданое, а чужим не продают ни за какие деньги.

– Значит, купим у своих.

В моей прошлой жизни эта диковина продавалась в каждой лавке и была дешевле хлеба, но говорить об этом вслух я не собирался.

– Что ещё за кефир? – подозрительно спросил майор.

– Кислое молоко на живом грибок, – объяснил я. – Грудным его дают круглый год, и кобыл для него не требуется. Через три дня будет у вас кефир, Лев Никитич. А пока другое.

Я повернулся к Павлу Демьяновичу, и он понял меня по одному взгляду.

– Воду? – спросил он негромко. – Новую?

– Новую. Я её проверил, поток теперь стабильный. Полстакана натошак через день всем лёгочным. Распишите по палатам.

Павел Демьянович кивнул и тут же при мне достал записную книжку, чтобы расписать воду по палатам.

Майор посмотрел на меня, потом на кувшин с бражкой и медленно свернул петицию в трубку.

– Три дня, господин барон, – сказал он. – Потом приду с новой бумагой.

– Приходите, – согласился я. – Только уже с благодарственной.

Сухомлин за моей спиной хмыкнул в кулак и что-то записал в свою книжечку.

Нефёдов снял трубку после второго же гудка и заговорил первым.

– Всеволод Сергеевич, дорогой! – трубка потрескивала. – Неужели соскучились?

– Нужна одна вещь, Николай Семёнович. Кефирный грибок.

В трубке повисла такая тишина, что я расслышал, как где-то у него тикают часы.

– Грибок, – повторил он наконец. – Барон, я вам про свой пензенский лот молчу из последних сил, а вы мне про простоквашу.

– Про кефир, Николай Семёнович. Для лёгочных больных между прочим.

– Кефир, – вздохнул Нефёдов. – Ладно. Есть у меня в Саратове один статский советник с язвой, он этот грибок держит в банке и бережёт пуще жены. Выпрошу. Завтра отправлю с вечерним поездом, в тёплом ящике.

– Спишу с вашего долга, – сказал я.

В трубке фыркнули так, что затрещала мембрана.

– Грибком гасить долг? Унизительно, барон. Беру, – он понизил голос. – И кстати. К вам сегодня Обухов едет, от меня. Пров Силыч, купец первой гильдии, здоров как бык и желает стать ещё здоровее. Не благодарите.

Он повесил трубку, так и не дав спросить, чем именно он мне удружил.

Обухов приехал к обеду на тройке с бубенцами, и звон этот я услышал задолго до того, как сани вылетели к крыльцу.

Из саней выбрался здоровенный краснолицый купец в бобровой шубе нараспашку, а следом, опираясь на руку кучера, спустилась маленькая бледная женщина в сером платке.

– Где тут у вас молодильная вода? – гаркнул купец на весь двор. – Весь Саратов гудит, что у барона Дубровского вода годы смыывает!

Хорошо ещё, что речь идёт об обычных водах. А то со стороны могло бы показаться, будто люди про Исток прознали.

Я спустился с крыльца и протянул ему руку. Его ладонь оказалась горячей и влажной, а под пальцами часто и туго бился пульс.

Я быстро прошёлся по нему чутьём. Картина оказалась простой.

Чуял, что сердце у купца работает с натугой и кровь приливает к лицу при каждом громком слове, а таких слов у него было много. Почти все.

– Молодильной воды у нас нет, Пров Силыч, – отозвался я. – Молодит у нас режим. Вода к нему только прикладывается.

– Режим? – купец побагровел ещё гуще. – Я за режимом что ли по морозу ехал?

– Вы здоровы, Пров Силыч. Пока. Сердце работает с натугой, а сосуды постоянно под давлением. Года через два начнутся головные боли по утрам, а там и до удара недалеко.

Купец уставился на меня с отвисшей челюстью, и жена впервые за всё время подняла на него взгляд.

– И что же делать? – спросил он уже тише.

– Лечиться, пока не заболели. Курс для здоровых, двенадцать дней. Отбой в одиннадцать, прогулки по размеченным дорожкам. Солонку со стола долой, коньяк на ночь забыть.

– А вода?

– Купель двадцать минут в день. Ни минутой больше.

– А ежели полчаса? – купец прищурился, и на моих глазах гуляка в нём уступил место торговцу. – А ежели доплачу?

– Двадцать минут. Хоть озолотите.

Сухомлин, всё это время стоявший на крыльце, сбежал по ступеням и схватил меня за локоть.

– Барон! – зашептал он. – Курс для здоровых! Двенадцать дней, и каждый год повторять! Это же абонемент, как в оперу!

Я посмотрел на него и подумал, что в прошлой жизни за такую мысль выписал бы ему премию.

– Запишите, – кивнул я. – Абонемент на профилактику. Цену обсудим вечером.

– Цену? – купец мгновенно развернулся к нам всем корпусом. – Беру заранее, не глядя!

И на жену тоже!

Лиза, вышедшая встречать гостей, уже считала пульс у жены купца, придерживая её руку.

– Аграфена Ильинична плохо спит с ноября, – сказала она мне вполголоса. – Ест мало и плачет по вечерам, а отчего – сама не знает.

– Грустит? – купец вытаращил глаза. – Она? С чего бы? У неё три шубы!

– Шубы от тоски не греют, Пров Силыч, – сказала Лиза. – Зимой света мало, и тоска приходит ко многим. Аграфену Ильиничну я забираю к себе.

– Зверобой с зимней гряды, – подсказал я. – И прогулки под сводом, пока светло.

– Уже записала, – Лиза улыбнулась мне уголком губ и увела гостью в дом.

Купец смотрел им вслед, и я видел, как он мнёт в кулаке шапку и не знает, куда её деть.

– Барон, – сказал он наконец, не оборачиваясь. – А ей-то купель можно?

– Можно. Двадцать минут, как и вам.

– Тогда пусть сидит свои двадцать, – купец тяжело вздохнул. – А я рядом на лавке посижу. Погляжу, чтоб не заскучала.

Приказчика Прохора Саввича привезли, пока я был в Волгине, и в первый же вечер после возвращения я проверил его чутьём. Искры у сердца я не нашёл, зато руки и грудь говорили мне о рыбном леднике яснее любых жалоб.

Вениамин обустроил процедурную по-своему, и, зайдя туда после обеда, я сразу заметил: порядка здесь стало куда больше.

Аппарат стоял на отдельном столике у стены, начищенный до блеска, а рядом лежали пропись Гладышева, придавленная склянкой, и толстая тетрадь с загнутыми уголками.

На кушетке передо мной сидел приказчик Никанор, худой мужик лет сорока с распухшими красными костяшками, и держал руки на коленях ладонями вверх.

– Двадцать лет в леднике, барин, – сказал он, не дожидаясь вопроса. – Рыбу перекалываю. Руки к вечеру не гнутся, а кашель каждую зиму до самого ледохода.

– Ток по прописи, Всеволод Сергеевич, – доложил Вениамин. – Малая сила, двенадцать сеансов. Я теперь ползунок дальше черты не двигаю.

– Вижу, – кивнул я. – А если к току добавить лекарство?

Вениамин оторвался от тетради и поднял на меня глаза.

– Какое лекарство?

– Травяное. Прокладки смочить вытяжкой вместо воды. Ток понесёт лекарство сквозь кожу прямо туда, где болит.

– Откуда вы это знаете? – шёпотом спросил Вениамин.

– Читал, – сказал я, и это была правда, только прочёл я это на двери процедурного кабинета совсем в другом мире. Помню, мне тогда скучно было сидеть в очереди.

Варвару позвали из аптечной, и она пришла с двумя склянками, пока брат дописывал строчку.

– Сабельник и живокост, – сказала она, ставя склянки на столик. – Для суставов лучше не найдёте. Только травы мои, и в тетрадь они пойдут под моим именем.

– А ток мой, – тут же отозвался Вениамин.

– Метод общий, – пояснил я. – Записывайте на двоих в одну тетрадь. Сначала попробуем на мне.

Я закатал рукав, и Вениамин наложил мне на запястье две смоченные прокладки и подвёл к ним провода.

Под прокладками кожу мелко зашипало, потом по запястью разлилось тепло, и в нос ударил горький запах распаренного сабельника.

В детстве, в другом мире, мне делали это в районной поликлинике, и щипало тогда ничуть не слабее.

– Годится, – сказал я. – Никанор, давай руки.

Через десять минут приказчик осторожно сжал и разжал пальцы, потом ещё раз, и устался на свои ладони, приоткрыв рот.

– Тепло, барин, – сказал он. – Ровно в печку руки сунул. И гнутся.

– Теперь слушай, – сказал я. – Лечение помогает, пока руки бережёшь. В ледник ходишь в валенках и в поясе из собачьей шерсти, рукавицы на меху. Час поработал – десять минут у печки.

– Так хозяин не позволит, барин. Десять минут на час – это ж сколько за день набежит...

– Позволит. Я ему напишу, и он подпишет. Прохор Саввич человек понятливый.

Дверь процедурной распахнулась, и в неё протиснулся Обухов в одной рубаше, распаренный после первой купели и с улыбкой до ушей.

– Это что за машина? – он ткнул пальцем в аппарат. – Ток? Мне того же, только посильнее!

– Сила тока тут дело второе, Пров Силыч, – с жаром начал Вениамин. – Главное, проводимость. Вода, к примеру, проводит ток превосходно, и чем дольше тело в ней...

– Вениамин, – сказал я.

Он осёкся на полуслове и покраснел до самых ушей.

– Купель двадцать минут, – повторил я. – Ток малый, по прописи. И отбой в одиннадцать.

– Понял, барон, понял! – закивал купец.

Вениамин тоже закивал, часто и старательно.

А вечером я впервые за неделю спокойно поужинал, ни разу не встав из-за стола, и лёг спать задолго до полуночи.

Меня разбудил стук в дверь, тихий и настойчивый, и часы на каминной полке показывали четверть второго.

На пороге моей спальни стоял банщик Ефим в тулупе поверх исподнего, и в руке у него белел сложенный вчетверо листок.

– Барин, простите, – зашептал он. – Купец этот, Обухов, третий час из купели не вылезает. Я спать ушёл, а он, видать, сам пробрался.

– А ты куда смотрел?

– Так ведь не один он там, барин. Лекарь молодой при нём сидит с тетрадкой и пульс ему считает. Велел вам записку снести и сказать, чтобы бегом к нему.

Я развернул листок, и почерк Вениамина прыгал по бумаге так, что строчки налезли одна на другую.

«Всеволод Сергеевич, я наблюдаю у купца Обухова явление, доселе неизвестное науке, и прошу вас прибыть немедленно. Пульс сто сорок и продолжает расти, а настроение у пациента превосходное».

Глава 3

Я дочитал записку до конца, сунул её в карман и уже заранее нащупывал ногами сапоги под кроватью.

– Давно он в воде? – спросил я, натягивая рубаху.

– С одиннадцати, барин. Я его в одиннадцать сам из купальни выставил, свет погасил и спать пошёл. А он, видать, вернулся.

– А лекарь?

– Лекарь около полуночи пришёл. Ящик свой с проводами принёс и на табурет у купели поставил. Гудит ящик.

Пальцы мои на пуговице замерли, и Ефим, поймав мой взгляд, на всякий случай попятился к двери.

Увидев у купели гальванический аппарат, я сразу понял: Вениамин ставит опыт, причём уже второй час.

– Буди Елизавету Павловну, – велел я. – Скажи, что купец перегрелся в купели. Пусть берёт часы и полотенца.

Ефим загрохотал сапогами по лестнице, а я сорвал с вешалки тулуп и выбежал во двор следом за ним.

Мороз ударил в лицо, и снег под ногами скрипел так громко, что я слышал его даже сквозь стук собственного сердца.

Обычный сеанс я ограничил двадцатью минутами. Час был уже крайней чертой – Лиза предупредила всех, что дальше начнутся необратимые изменения. Обухов просидел в ней почти три часа, а последние полтора через него ещё и гнали ток.

Дверь купальни я распахнул плечом, и в лицо мне ударило горячим паром с запахом берёзовых веников.

Обухов сидел в купели по грудь и во всё горло пел что-то протяжное про ямщика и вороных коней.

Лицо Обухова побагровело до самой шеи, а к правому плечу и к левой икре кто-то примотал бинтами две медные пластины.

От пластин через край купели тянулись провода к аппарату на табурете, и ползунок стоял далеко за красной чертой, которую я сам запретил пересекать.

Вениамин сидел рядом на скамье с часами в одной руке и с карандашом в другой, а на коленях лежала раскрытая тетрадь.

Первым делом я шагнул к аппарату и двинул ползунок до самого нуля, и гудение под крышкой сразу стихло.

– Всеволод Сергеевич! – Вениамин вскочил, и карандаш покатился по мокрому полу. – Вы получили записку? Смотрите, вы только смотрите!

– Пульс?

– Сто пятьдесят. Было сто сорок, когда я писал.

– Барон! – заревел из купели Обухов и шлёпнул ладонью по воде. – Барон, мне двадцать лет! Сердце стучит, как у жеребца! Лезьте ко мне, тут места на троих!

Я присел у края купели и взял его за запястье, и пульс под моими пальцами бился часто и туго, обгоняя сам себя.

Тогда я посмотрел на Обухова лекарским чутьём, тем вторым зрением, которым вижу больного насквозь.

В воде купели всегда растворена жизненная сила, ради неё ко мне и едут лечиться со всей губернии. Обычно она входит в тело медленно, через кожу, и за час человек набирает ровно столько, сколько может унести.

Ток втрое ускорял поступление силы в тело – точно так же днём он проталкивал в суставы Никанора лекарство Варвары.

Прежде всего сила шла к сердцу. На моих глазах оно молодело и колотилось теперь за троих.

Жилы же остались старыми и натянутыми – это я разглядел в нём ещё днём на крыльце. Молодое сердце гнало по ним кровь с такой силой, что рано или поздно какой-нибудь сосуд должен был лопнуть.

– Сколько он под током? – спросил я, не выпуская руки купца.

– Полтора часа, – Вениамин сглотнул. – Я хотел четверть часа, Всеволод Сергеевич. Честное слово, только четверть.

– Рассказывай. Коротко.

– Я пришёл мерить, как новая вода проводит ток, – это мне для тетради нужно было. А Пров Силыч уже сидел здесь. Попросил того же, что днём у Никанора, только посильнее.

– И ты согласился.

– Вы же сами сказали в гальванической, что ток несёт лекарство сквозь кожу, – Вениамин развёл руками. – Я и подумал, что сила воды тоже лекарство. Значит, ток понесёт и её.

Я вспомнил, что сам сказал ему днём у аппарата, и почувствовал, как у меня дёрнулась щека.

– И понёс, – сказал я.

– Понёс! – даже сейчас глаза у Вениамина горели от восторга. – Вы взгляните на бороду. Седина уходит от корней. Я каждые десять минут отмечаю изменения. И пятна на руках бледнеют. Это же явление, Всеволод Сергеевич!

Я взглянул, и у самого подбородка борода у корней потемнела почти до черноты – примерно на палец от кожи.

Старческие пятна на тыльной стороне его ладоней побледнели и почти слились с кожей.

– Явление, – согласился я. – Только через полчаса у этого явления лопнет жила в голове. Это называется удар, Вениамин.

Он побелел и выронил часы, и те закачались на цепочке возле колена, прямо передо мной.

– Пров Силыч, – сказал я громко. – Вылезайте.

– Не вылезу! – купец оскалился во весь рот. – Мне в жизни так хорошо не было, барон! Ещё час, и я вам тысячу дам. Две дам!

– Через час у вас лопнет жила в голове, и Аграфена Ильинична останется вдовой с тремя шубами.

Купец перестал улыбаться, и я впервые за эту ночь увидел в его глазах что-то трезвое.

– Ой... – медленно простонал Пров Силыч. – А как же так?

– Давайте руку.

Вылезал он тяжело, держась за меня и за Вениамина, и вода стекала с него ручьями на каменный пол.

Купец сел на скамью, качнулся и схватился за затылок, а потом из носа у него разом хлынула кровь, заливая грудь.

– Голова, – выдохнул он. – Ох, голова лопнет. И звон в ушах, барон, колокола целые...

– Это жилы, – сказал я Вениамину, прижимая купцу к носу полотенце. – Давление в них такое, что кровь ищет выход. Хорошо, что пошла носом. Хуже, если бы пошла в мозг.

Дверь хлопнула, и в купальню влетела Лиза с часами в кулаке, в шубе поверх домашнего платья, а за ней пыхтел Ефим с ведром снега.

Ей хватило одного взгляда на окровавленного купца и провода у купели – мне не пришлось ничего объяснять.

– Ефим, снег в полотенце и на затылок, – скомандовала она. – Таз горячей воды сюда, и горчицы из моей аптечки. Ноги ему парить будем.

– Горчицы? – переспросил Вениамин.

– Горячая вода с горчицей тянет кровь к ногам, подальше от головы, – Лиза уже считала пульс. – Сто пятьдесят два. Всеволод, по-старому тут надо бы пиявок за уши поставить, лишнюю кровь выпустить.

– Пиявок не надо, – сказал я. – Лишняя у него не кровь. Лишняя у него сила, и её я заберу сам.

Я положил одну ладонь ему на грудь, а другую на шею, туда, где под кожей бешено билась толстая жила.

Сила хлынула в меня сразу, горячая и тяжёлая, и руки заломило болью до самых плеч. Держать её в себе было нельзя: после рощи я и так ещё не набрал прежних сил.

Леонид однажды тоже пересидел в купели, но у него собственный дар выжег лишнюю силу, и она вышла у него из ладони белым огнём. У купца дара не было, и всё, что в него загнали, металось у него внутри и искало выход.

Я огляделся и увидел на стене связку сухих берёзовых веников, заготовленных Ефимом для парной ещё летом.

– Вениамин, веники! Тащи сюда все, сколько есть!

Он сорвал связку с гвоздя и бросил к моим ногам, и я прижал к сухим прутьям колено, не отнимая рук от больного.

Сухое дерево принимает жизнь жадно – это я знал ещё по той веточке тысячелистника, что позеленела у меня в пальцах над огнём Леонида. Я пропускал через себя силу купца и отдавал её прутьям понемногу, чтобы не захлебнуться самому.

Через минуту под моим коленом что-то зашуршало, и сухие прутья покрылись почками, а затем они лопнули и выпустили клейкие зелёные листочки.

Ефим так и замер в дверях с тазом, и вода плеснула ему на сапоги.

– Сто тридцать, – считала Лиза вслух, держа купца за запястье. – Сто двадцать. Сто десять...

Кровь из носа остановилась, Обухов перестал держаться за затылок и откинулся к бревенчатой стене.

– Отпускает, – пробормотал он. – Колокола тише стали. Барон, это что ж такое было?

– Жадность, Пров Силыч, – сказал я. – Ваша и учёная.

Ноги Обухова уже стояли в тазу с горчичной водой, а Ефим прижимал к его затылку полотенце со снегом, и талая вода капала мне на сапоги.

– Девяносто, – сказала Лиза через четверть часа и наконец отпустила его руку. – Восемьдесят восемь. Жить будет.

Купец не дождался конца её слов и захрапел прямо на скамье, привалившись к стене плечом.

– Это ты сделал? – Лиза кивнула на зелёные веники.

– Я. Силу из него надо было куда-то деть, а сухое дерево берёт её охотно.

– А если бы веников не оказалось?

– Тогда пришлось бы держать её в себе, – сказал я. – И к утру у тебя было бы двое больных вместо одного.

Лиза медленно повернулась к Вениамину, а тот вскочил со скамьи ещё прежде, чем она открыла рот.

– Двадцать минут, Вениамин, – сказала она. – Я всем говорила, и тебе первому. Двадцать минут – обычный сеанс. Час – крайний предел, дальше начинаются необратимые изменения.

– Я помню, Елизавета Павловна.

– Помнишь, – Лиза кивнула на бороду купца. – Вот они, необратимые. Седина к нему уже не вернётся. Тебе ещё повезло, что этим всё и кончилось.

Вениамин смотрел в пол, и уши у него покраснели так сильно, что даже пар этого не скрывал.

– Теперь слушай меня, – строго сказал я. – Ты сегодня открыл важную вещь. Ток и правда несёт силу воды в тело, и быстро.

– Значит, я был прав? – он вскинул голову.

– Прав. Поэтому метод и опасен. Полтора часа дали такой эффект. Три часа его убьют. Отныне без меня никаких опытов – ни с водой, ни с током.

– Понял, Всеволод Сергеевич.

– Записи свои оставь. Только никому их не показывай.

Он открыл было рот, потом закрыл его и кивнул, глядя куда-то мимо моего плеча.

Ефим всё стоял у стены и смотрел на зелёные веники у моих ног, и пахли они посреди зимы маем.

– Барин, а с этими-то что делать?

– Запри в чулан. И никому ни слова.

– Могила, барин, – Ефим тяжело вздохнул. – Я тут у вас такого навидался, что одним веником больше, одним меньше.

Купца мы втроём перенесли в дальнюю палату, отведённую для тяжёлых больных, и домой я вернулся только к четырём утра.

Проспал я три часа, и разбудило меня зимнее солнце в окне, а руки болели так, что рукав рубахи пришлось натягивать зубами.

Когда я пришёл в дальнюю палату, у его постели уже сидела Аграфена Ильинична в сером платке и держала мужа за руку.

Обухов полулежал на подушках, бледный после ночи, и при виде меня попытался приподняться.

– Лежите, Пров Силыч.

– Барон, – он поймал мою руку. – Груня говорит, я ночью чуть не помер. Это правда?

– Правда. Ещё полчасика, и померли бы.

Аграфена Ильинична посмотрела на меня, потом тронула пальцами бороду мужа под самым подбородком.

– Провушка, – прошептала она. – Да ты ж у меня потемнел. Как на венчании.

– Чего? – купец скосил глаза на бороду. – Груня, зеркало дай!

Зеркальце нашлось у неё в ридикюле, и купец вертел его так и этак, а потом медленно опустил на одеяло и поднял глаза на меня.

– Двадцать лет седой хожу, – сказал он. – Барон, да это ж... Это ж весь Саратов ахнет! Я ж всем...

– Вот об этом я и пришёл поговорить, – я сел на стул у кровати. – Вы человек торговый, Пров Силыч, поэтому скажу по-торговому. Что бывает с товаром, который вдруг оказался очень дорогим?

– Известно что, – купец нахмурился. – Его покупают. Или отбирают.

– Кто отбирает?

– Да кто сильнее, тот и отбирает. Казна, к примеру.

– Вот именно. Если в Саратове узнают, что эти слухи – не байка и вода действительно смывает годы, через месяц сюда приедет комиссия из столицы. А через два воду заберёт казна. Купальни закроют, к ним поставят часового, и больше их не увидите ни вы, ни я, ни Аграфена Ильинична.

Купец долго молчал и шевелил губами, и мне было ясно, что он считает убытки.

– Казна заберёт, это верно, – понял он наконец. – Казна всё забирает, что блестит. Ладно, барон. Слово купеческое, никому.

– Барон, а сколько ж она с меня лет смыла? – спросил он вдруг шёпотом. – Пять? Десять?

– Сколько ни смыла, жилам вашим от этого ни на день не легче, – ответил я. – Помните об этом, когда вас опять потянет к купели.

– А борода? – спросила Аграфена Ильинична. – Её ж все увидят.

– А бороду вы ему басмой покрасили. Это травяная краска такая, от седины. Купцы красятся сплошь и рядом, никто и не удивится. А посвежел он оттого, что бросил коньяк и начал спать по ночам.

Аграфена Ильинична улыбнулась коротко и робко впервые за два дня и тут же прикрыла рот ладонью.

В палату вошла Лиза с подносом, на котором стояли миска каши и кружка с отваром, а за её спиной я разглядел Вениамина с тетрадью под мышкой.

– Теперь режим, Пров Силыч, – сказала Лиза. – В купель вам больше нельзя до конца курса и тока тоже. Три дня лежать, потом гулять. И соль со стола долой совсем.

– Да что ж такое! – возмутился купец. – Сердце молодое, сами говорите! Зачем мне режим?

– Сердце молодое, а жилы старые. Сила их не лечит, это мы ночью видели. Соль задерживает воду, объём крови растёт, и давление на сосуды становится ещё сильнее. Хотите, чтобы опять пошла носом кровь?

Купец устался на миску с кашей и вздохнул так тяжело, что ложка звякнула о край.

– Вениамин, – позвал я. – С этой минуты ты дежуришь здесь. Пульс каждый час, до самого вечера, и всё в тетрадь.

– Слушаюсь, Всеволод Сергеевич, – Вениамин даже просиял, и глаза у него были красные после бессонной ночи.

Сухомлин поджидал меня на лестнице, нетерпеливо поблёскивая пенсне.

– Барон, по всему дому шепчутся, что купец за ночь помолодел! – зашептал он. – Это же реклама, какой свет не видывал! Да мы на одной этой бороде...

– Купцу жена покрасила бороду басмой, – строго сказал я. – Так всем и отвечайте.

– Басмой? – Сухомлин заморгал. – А пятна с рук? Горничная видела...

– Пятна сошли от режима. Сон, прогулки и никакого коньяка, – я посмотрел на него в упор. – Запишите это в свою книжечку, Владимир Кириллович, и повторяйте каждому, кто спросит.

Сухомлин записал, но вздыхал при этом так горько, что я невольно усмехнулся.

Грач вернулся из Волгина затемно, и встречать сани я вышел сам, потому что ждал этого ящика со вчерашнего утра.

Ящик был обит войлоком, а внутри, в соломе между двумя бутылками с горячей водой, стояла стеклянная банка в шерстяном платке.

– Велели беречь пуще глаза, барин, – Грач поставил ящик на крыльцо. – Господин на станции из рук в руки передал. Сказал, от господина Нефёдова, и чтоб не трести. И вот ещё, с телеграфа.

Он достал из-за пазухи сложенный листок, и я развернул его прямо на крыльце, под фонарём.

– «Опытов с током в купели не ставить. Выезжаю. Гладышев», – прочёл я вслух.

Вениамин, который как раз вышел на крыльцо поглядеть на ящик, остановился на верхней ступеньке и вцепился в перила.

Профессор Тимофей Петрович Гладышев жил в Саратове и был одним из немногих учёных людей, кому я доверял. Это он когда-то оставил мне прописи для гальванической, и по этим прописям Вениамин с тех пор лечил у меня ревматиков.

– Ты ему писал, – сказал я.

– Вчера, после гальванической, – Вениамин спустился на ступеньку ниже. – Хотел спросить у профессора, можно ли гнать ток через воду купели. Отправил письмо с вечерней почтой, а ночью... ночью ответа ждать не стал.

– Что ты ему написал?

– Всё, Всеволод Сергеевич, – ответил он совсем тихо. – И про воду тоже.

– Что именно про воду?

– Что в ней сила и что лечит она быстрее любого лекарства, – Вениамин сглотнул. – И что обычный сеанс – двадцать минут, но Елизавета Павловна велит сидеть в ней не больше часа. Профессор ведь умный, Всеволод Сергеевич. Он сам поймёт, почему.

– Вот этого я и боюсь.

Я сложил телеграмму вчетверо и убрал в карман, и от мороза пальцы у меня уже плохо гнулись.

– Иди к купцу, – велел я. – Пульс сам себя не посчитает.

К тому времени Павел Демьянович уже унёс банку к себе в аптеку под лечебницей, и когда мы с Лизой спустились к нему, он уже вытряхнул содержимое на блюдо и ждал меня.

На блюде лежали белые комочки величиной с горошину, мягкие и упругие, похожие на слипшийся варёный рис.

– Это и есть грибок? – Лиза тронула один комочек пальцем. – Живой?

– Живой, – кивнул я. – Это закваска. В ней живут крошечные существа, глазом их не разглядеть. Они превращают молоко в кефир. Гриб кладут в тёплое молоко на сутки, затем процеживают через деревянное сито, промывают холодной водой и кладут в свежее молоко. И так каждый день.

– А почему сито деревянное? – спросил Павел Демьянович.

– Железа грибок не любит. Так говорят горцы, и спорить с ними я не стану. И ещё одно. Первая закваска после дороги выйдет жидкой: грибок растрясло, ему надо привыкнуть. Её выльем, а вторая будет хорошей. Как раз к утру послезавтра, как я и обещал майору.

Павел Демьянович уже грел молоко на спиртовке и шевелил губами, повторяя про себя порядок действий.

На третий день я сам понёс Обухову обед, чтобы посмотреть, как купец отнесётся к лечебному столу.

На моём подносе стояли миска щей и тарелка гречки с варёной говядиной, и соли во всём этом не было.

Купец зачерпнул щей, попробовал и скривился так, что жена его отвернулась к окну.

– Трава травой, – выдал он и отложил ложку. – Барон, лучше уж помереть сытым.

– Помереть вы ещё успеете, – сказал я. – А пока ешьте.

Аграфена Ильинична молча забрала у мужа поднос, встала и вышла из палаты, и я из любопытства пошёл за ней.

На кухне в санатории она поставила поднос, сняла платок и закатала рукава так уверенно, что кухарка без единого слова отступила от плиты. Эта женщина работала у нас с последней перестройки.

– Хрен у вас есть, милая? – спросила она. – И клюква. И зелень какая, укроп хоть.

– Зелень из теплиц, барыня, – кухарка растерялась. – Только соли-то нельзя, барин не велел...

– А соль нам и не нужна, – Аграфена Ильинична уже резала лук. – Пресная еда скучная, это правда. Так её надо разбудить кислым да острым. Клюквы в щи, хрену к мясу, лучку поджарить до золота. Язык и не вспомнит, что соли нет.

– Барыня, а вы меня научите? – кухарка уже несла тёрку для хрена. – Я бы записала.

– Тут и писать нечего, милая. Смотри да запоминай.

Она двигалась быстро и ни разу не спросила, где что лежит. Через полчаса я уже нёс в палату новый обед.

Обухов съел щи до дна и вымакал тарелку хлебом. А жена смотрела на него, стоя у двери, и, думая, что я не вижу, украдкой вытирала глаза.

– Груня, – сказал он с набитым ртом. – Это ж твои щи. Домашние.

– Мои, Провушка. Только солить я их не стала.

Лиза, которая зашла проведать больного, остановилась рядом со мной на пороге и смотрела на купчиху.

– Видишь? – сказала она мне вполголоса. – Щёки порозовели. Третий день пьёт зверобой и гуляет, а лучше всего ей помогла кухня.

– Почему?

– Зимой дни короткие и света мало, вот людей тоска и берёт. А у неё ещё и дела никакого не было, муж всё решает сам, дети выросли. Как только руки заняты, тоске места не остаётся.

Тут я вспомнил строчку, которая уже не первый месяц оставалась незачёркнутой в моём списке дел.

Профессор Гладышев ещё при первом приезде спросил меня, кто будет готовить каждому больному лечебную еду с учётом его болезни. Нужна особая повариха, сказал он тогда, – с ангельским терпением, потому что больной капризнее ребёнка. Такую мы не нашли, если признаться.

– Аграфена Ильинична, – сказал я, когда она вытерла руки. – Вы у нас двенадцать дней пробудете. Научите у нас так готовить?

– Научу, отчего ж нет? – она чуть покраснела. – Дома-то я давно у плиты не стою, Провушка не велит. Говорит, не купеческое это дело.

– А в Саратове вы, случаем, не знаете женщины, которая пошла бы ко мне в поварихи? Работа трудная.

Аграфена Ильинична подумала, теребя край передника, и кивнула сама себе.

– Есть одна вдова, при городской больнице двадцать лет кухарничала. Терпения у неё на троих. Напишу ей сегодня же.

Пока мы разговаривали, мне на кухню принесли посылку из Волгина от Прохора Саввича, купца, у которого служит приказчиком наш Никанор.

В посылке лежала бумага, в которой Прохор Саввич своей рукой разрешал Никанору греться у печки по десять минут каждый час, и бочонок солёной рыбы в благодарность.

– Это Провушке нельзя, – сразу сказала Аграфена Ильинична и отодвинула бочонок ногой. – Разве что вымочить её в трёх водах, чтобы соль вышла. Тогда кусочек можно. Раз в неделю.

Вечером Лиза сама позвала меня гулять, и мы пошли в зимний лес, пока под сводом ещё горели фонари.

Этот лес я поднял на опушке ещё осенью, когда мне пришлось на время перекрыть воду в купальнях и больным стало негде греться. Кроны елей сомкнулись над поляной сплошным сводом, и под ним даже в мороз стоит тепло и пахнет хвоей.

За лесом присматривал Гордей Лукич – бывший торговец и мой бывший пациент. Он встретил нас у самого входа с фонарём и горстью рябины в ладони.

– Барин, Елизавета Павловна, – он поклонился. – А я с синицами воюю. Опять полрябины склевали, разбойницы.

– Много осталось?

– Хватит, барин. А веники ваши, что Ефим вчера принёс, я в землю у ручья воткнул. Так они, вы не поверите, корни пустили. Синицы уже на них сидят, гнездо прикидывают.

Лиза взяла у Гордея ягоду, раскусила и поморщилась от горечи.

– Горькая.

– Зато полезная, – сказал я. – Гордей Лукич, а ведь нам эта рябина нужнее, чем синицам.

– Это как же, барин?

– К весне у людей начинают кровить дёсны и открываться старые раны. Это оттого, что зимой нет свежей еды. Моряки в долгом плавании от этой хвори берут с собой лимоны. Их у нас нет, зато есть рябина и хвоя, и в них есть то же, что и в лимонах.

– Цинга, – поняла Лиза. – Я про неё читала.

– Она самая. Завтра Павел Демьянович начнёт варить настой из хвои с рябиной. Всей прислуге и гвардии по кружке в день, до самой весны.

– А синицам? – спросил Гордей Лукич с обидой.

– Синицам оставьте верхние ветки. Им хватит.

Гордей Лукич ушёл гонять синиц, и Лиза взяла меня под руку.

– Профессор придет, – сказала она. – Что ты ему скажешь?

– Правду. Столько, сколько её можно сказать.

– А сколько можно?

– Это я пойму, когда его увижу.

В сосновом углу, где под сводом теплее всего, стоял Леонид, маг тени из моей гвардии, в расстёгнутом полушубке и грел ладони о ствол.

– Леонид, а ты что здесь делаешь? – спросила Лиза. – Твой день завтра.

– Я вне расписания по расписанию, Елизавета Павловна, – напомнил он с достоинством.

– У Варвары записано. Через день, после караула.

У ручья я увидел наши веники, воткнутые в землю, и из каждого прута в воду тянулись тонкие белые корешки.

– Покажи руки, – попросила Лиза.

– Зачем?

– Ты с той ночи левую бережёшь. Думаешь, я не вижу?

Она взяла мою ладонь в свои и разминала пальцами запястье. Боль постепенно отступала от запястья к плечу.

– Сначала роща, потом купец, – сказала она, не поднимая глаз. – Всеволод, ты когда-нибудь отдыхаешь?

– Сейчас отдыхаю.

– Это не отдых. Ты гуляешь со мной и всё равно лечишь то прислугу, то синиц.

Я рассмеялся и притянул её к себе, и Лиза уткнулась лбом мне в плечо.

В обещанное майору утро Павел Демьянович разбудил меня ещё затемно и молча протянул кружку.

Кефир в ней был густой и прохладный, с лёгкой кислинкой и мелкими пузырьками, которые щипали мне язык.

– Получилось, – сказал я, допив до дна. – Вторая закваска?

– Вторая, Всеволод Сергеевич. Первую вылили, как вы велели. Грибок за сутки заметно разросся, я его уже на две банки разделил.

– Лёгочным по стакану на ночь. А сейчас пойдём к майору, он нас уже ждёт.

Майора Кречетова я нашёл в столовой лёгочного корпуса, где он с утра писал что-то за столом, обмакивая перо в чернильницу.

– Господин барон, – он поднялся. – Сегодня срок. Я как раз готовлю бумагу.

– Новую петицию?

– Пока не знаю, какую, – честно ответил майор. – Всё зависит от вас.

Павел Демьянович поставил перед ним кружку, и майор нюхал её, шевеля седыми усами.

– Кислое молоко, – сказал он с подозрением. – Опять бражка для телят?

– Попробуйте, Лев Никитич.

Майор осторожно отпил и почмокал губами, потом отпил ещё уже смелее, а затем, уже не отрываясь, допил до дна.

– Хм, – сказал он и поставил кружку. – Это пить можно. Это даже вкусно, господин барон. Что ещё за кефир такой?

– Кавказское кислое молоко, – пояснил я. – Когда болит грудь, человек худеет и есть не хочет. А кефир легко переваривается и будит аппетит. Будете пить по стакану на ночь, и через месяц Елизавета Павловна вас взвесит и не узнает.

Лев Никитич кивнул, сел обратно за стол и при мне разорвал исписанный лист пополам, а потом достал из стопки чистый.

– Благодарственную, – сказал он. – Двадцать две подписи соберу к обеду. Только у меня к ней одна просьба, господин барон.

– Какая?

– К кефиру бы ржанных сухариков, – майор погладил усы. – С солью.

– Без соли, Лев Никитич.

– Ну, без соли так без соли, – вздохнул майор. – Солдат и не такое ел.

В дверях уже толпились лёгочные, и я услышал, как кто-то из них спросил, нельзя ли и им по кружке.

– Вечером, господа, – сказал Павел Демьянович. – По стакану на ночь, всем, кто записан у Елизаветы Павловны.

Сухомлин всё это время стоял в сторонке, а тут что-то быстро записал в свою книжечку и откашлялся.

– Учёные люди сказали бы, барон, – начал он, – что кефир – это...

– Не надо учёных людей, – сказали мы с майором одновременно.

Профессор Гладышев приехал ко мне в тот же день после обеда на станционных санях и с тем же тяжёлым саквояжем – в прошлый раз Архип крикнул, едва взвалив его на плечо.

Был он уже немолод, но с саней соскочил с такой прытью, что я не успел даже спуститься с крыльца ему навстречу.

– Опять кирпичи возите, барин? – проворчал Архип, взваливая саквояж на плечо.

– Книги, голубчик, – ответил профессор. – Они тяжелее.

– Всеволод Сергеевич! – он сдёрнул перчатку и сжал мою ладонь. – Где ваш опыт? Живой?

– Живой, Тимофей Петрович. Лежит в дальней палате и ест бессолевые щи.

– Слава богам, – выдохнул профессор. – Я всю дорогу боялся опоздать. Ваш юный коллега написал мне такое, что я двое суток глаз не сомкнул. Ведите.

В палате Обухов полулежал на подушках и спорил с женой о том, сколько раз в неделю ему положен кусочек рыбы.

– Тимофей Петрович! – купец всплеснул руками. – Вот так встреча! Груня, это ж профессор Гладышев, мы с ним по Саратову хорошо знакомы!

Профессор остановился на пороге и уставился на Обухова. Пальцы на ручке саквояжа побелели.

Потом он подошёл ближе, взял Обухова за подбородок и повернул его лицом к окну. Я молча ждал, пока он разглядит бороду, перевернёт его ладонь и изучит кожу.

– Пров Силыч, – сказал он медленно. – Сколько я вас знаю, вы седой.

– Басма, – быстро сказала Аграфена Ильинична. – Это я его басмой.

Профессор с улыбкой кивнул ей и вышел в коридор. Я последовал за ним и прикрыл дверь.

В коридоре Гладышев молчал, вертя в пальцах перчатку, и только потом посмотрел мне в глаза.

– Басмой так не красят, Всеволод Сергеевич, – сказал он негромко. – Басма ложится сверху, а у него волос темнеет от самого корня. И пятна с рук басмой не сводят.

– Тимофей Петрович...

– Я знаю Обухова двадцать лет, и все двадцать лет он седой, – профессор шагнул ко мне ближе. – Сколько лет вы с него смыли?

– Это имеет значение? – поинтересовался я.

– Ещё как имеет, – Гладышев посерьёзней. – Вы ведь пока даже не догадались, чем это чревато, верно?

Глава 4

– Цену я прекрасно понимаю, Тимофей Петрович, – ответил я. – Возможно, даже лучше вас.

Гладышев вопросительно вскинул брови.

Я расстегнул манжету и задрал левый рукав до локтя. Под кожей предплечья разлилась синева, густая у запястья и бледнеющая к сгибу руки.

– Где ж вас так угораздило? – спросил профессор, наклонившись.

Он взял мою руку за запястье и нажал пальцем на синее пятно. Белый след от пальца исчезал медленно, и Гладышев дождался, пока он пропадёт совсем.

– И как это связано с вашим экспериментом? – спросил он.

– Напрямую. Идёмте за мной.

Я опустил рукав, снял с вешалки у двери тулуп и протянул профессору его шубу. Собираясь показать ему то, о чём не хотел рассказывать никому из своих, даже Лизе.

Мы вышли на задний двор и по утопанной егерями тропе двинулись к опушке. Снег поскрипывал под сапогами, а над крышами санатория висело низкое зимнее солнце.

– Вы лучше меня знаете, Тимофей Петрович, что магия стремится к балансу во всём, – продолжил я на ходу. – Если где-то прибывает, где-то и убывает.

– Всё верно, – кивнул Гладышев. – Закон сохранения энергии Вистрова. И пусть ваш юный коллега использовал ток – это всё та же магия, голубчик. Просто сменился проводник.

– Вот именно, проводник. Но он ещё кое-что нарушил.

Тропа вывела нас к опушке, и лес по эту сторону ручья встретил нас тишиной. Снежные шапки на нижних еловых лапах вздрагивали без всякого ветра, и я чувствовал, как мелкие духи стараются спрятаться подальше от чужого человека.

Шагов через двести, у самого ключа, питавшего купальни, я остановился и указал на три берёзы. Сейчас кора на них посерела и пошла трещинами, ветви высохли до самых кончиков, а у корней снег лежал нетронутым, без единого звериного следа.

Мёртвыми они ещё не были. Чутьём я нащупал в каждом стволе тонкую нить жизни, которая едва держалась у самых корней.

– Как хозяин этого леса, я связан с ним, – сказал я. – Каждое дерево здесь отзывается во мне, и я в каждом.

– Хотите сказать, вы, друид, не можете восстановить их по щелчку пальцев? – Гладышев недоверчиво прищурился.

– Не могу.

Я положил ладонь на ближнюю берёзу и влил в неё силу. Дерево взяло жадно, и в ладонь мне ударил холод пустого ствола.

Наверху, на одной из сухих веток, проклюнулись две почки, из них развернулись крошечные клейкие листочки. На этом всё и закончилось, и больше берёза не отозвалась.

Я убрал руку и отступил на шаг.

– Обычно такой силы хватает, чтобы поднять целую рощу, – сказал я. – Теперь же эти деревья будут восстанавливаться долго.

– Подождите, – Гладышев шагнул к берёзе и сам тронул кору. – Но ведь когда лечатся ваши пациенты...

– Ничего подобного не происходит, – договорил я за него. – Там магия помогает больным исцеляться, но действует на каждого по-разному. Кому-то она даётся легче, кому-то – тяжелее. Энергии на это хватает с избытком.

Профессор молча ждал продолжения и разглядывал на ветке два новорождённых листка.

– Но когда начался эксперимент с током, энергия потянулась из воды очень быстро, – продолжил я. – А если вспомнить другую теорию – о балансе энергии в однородном теле...

– Это уже из артефакторики, – хмыкнул Гладышев. – Вы слишком хорошо осведомлены, Всеволод Сергеевич.

– Я пытался разобраться. Исток продолжал подпитывать воду, но ток выжимал силу быстрее, чем она успевала прийти из глубины. И тогда жила начала добирать недостающее из ближайшего живого – из моего леса.

Разобраться во всём этом мне помог Валерьян. Друидическую магию я изучал основательно, но до таких тонкостей артефакторики сам бы добрался нескоро. Дед полночи висел у меня над столом и гонял меня по старым книгам, ругаясь на каждой странице.

– Позвольте, – Гладышев остановился. – Если вода берёт из леса, отчего же тогда засохли именно эти три, а не весь ваш лес разом?

– Они ближе всех к ключу, – ответил я. – Вода брала силу там, куда могла дотянуться быстрее всего. А корни у этих берёз уходят прямо в жилу, из которой питаются купальни.

– Ближайший донор, – пробормотал профессор. – В точности как при кровопотере. Организм сперва обирает то, что под рукой.

– Именно.

– Теперь понимаю, – медленно кивнул Гладышев. – В принципе, я часто говорю студентам, что любое воздействие извне на человеческий организм имеет свои последствия. Здесь сработало по той же схеме. Исток дал вам здоровье, вы захотели получить от него больше. И он ответил по всем законам магии, между прочим. Взял силу из ближайшего доступного места, а не из глубинной жилы, дотуда ваша просьба не дошла.

Я кивнул и добавил:

– Думаю, это ещё связано с тем, что Исток не способен отдавать силу с такой скоростью. По крайней мере теперь, когда потоки снова выровнены.

– Помню... вы писали, что провели ритуал и баланс ваших земель восстановился.

Об Истоке Гладышев знал ещё с первого визита. Тогда он всё допытывался, откуда берётся магия жизни, что восстанавливает пациентов.

В конце концов я ему рассказал. Но по условиям нашего магического договора он не сможет поведать об этом никому из живых или мёртвых.

– Через сколько они восстановятся? – спросил профессор, указывая подбородком на берёзы.

– Если честно, не знаю. Вполне возможно, через столько же лет, на сколько помолодел купец.

Гладышев на это так ничего и не сказал. Он стоял у берёзы, положив на кору ладонь в перчатке, и не спешил её убирать.

В глазах у него потухло что-то живое, и уголки губ опустились. Понять его было несложно: лет ему было немало, и все они давно легли на его спину и колени.

– Жаль, – сказал он прямо. – Признаться, будь это панацея, я бы тоже хотел.

Он поднял на меня глаза и замер, ожидая моего ответа.

– Повторения не будет, – серьёзно ответил я.

Гладышев кивнул. Однако цену он теперь знал: засохшие деревья и синее пятно на моей руке. Только разочарование на его лице держалось недолго, и решимости в нём не убавилось.

Это мне совсем не понравилось. Каким бы мудрым и рассудительным ни был человек, у каждого из нас есть свои желания. Не всегда морально верные. Да и согласись я, не факт, что его сердце выдержало бы такое лечение. У Обухова сердце было бычьё, и то едва не лопнули жилы.

В прошлой жизни я и сам любил выпить и вкусно поесть, а в этой от прежних слабостей не осталось почти ничего. С другой стороны, без прежних слабостей я хотя бы проживу дольше. Это радовало.

Обратно мы шли молча, и снег под нашими сапогами скрипел на весь лес. Мелкие духи провожали нас с еловых лап и шевелились только тогда, когда мы проходили мимо.

Не доходя нескольких шагов до крыльца, я остановился и повернулся к профессору.

– Поедете со мной завтра в Волгин, – сказал я. – В его окрестностях есть кое-что, что я хотел бы вам показать.

– Что именно?

– Увидите на месте. Если сейчас расскажу, не поверите.

То, что он там увидит, наверняка успокоит его надолго. Конечно, если я правильно понял его эмоцию. По одной мимолётной слабости во взгляде нельзя судить наверняка.

Гладышев посмотрел на меня с любопытством, но больше расспрашивать не стал.

– А пока, если вы не против, – сказал он, отряхивая снег с воротника, – я бы тоже хотел насладиться вашими купелями.

– Конечно, – кивнул я. – Двадцать минут, и все ваши.

Выехали мы на следующий день рано утром. Виктор сам вызвался править и сидел на козлах в тулупе нараспашку, подставив лицо морозу, а мы с профессором устроились в санях.

За заставой я дождался, пока по сторонам потянутся пустые белые поля, и только тогда заговорил.

– Тимофей Петрович, хозяин дома, к которому мы едем, занимается ремеслом, которое в империи под запретом.

Гладышев повернул ко мне голову, но перебивать не стал.

– Он изгоняющий, – продолжил я. – Работает с душами. Всё, что вы сегодня увидите и услышите в его доме, должно там и остаться.

– Голубчик, – профессор даже обиделся. – Я тридцать лет храню чужие тайны. Иные из них стоили бы моим пациентам имени, а иные и головы.

– Мне нужно ваше слово.

– Даю, – сказал он, помолчав, и прижал ладонь к груди. – Слово Гладышева.

– Мужик он хмурый, профессор, – обернулся к нам с козел Виктор. – Вы его не пугайтесь. Он и на барона поначалу волком смотрел.

– А теперь? – поинтересовался Гладышев.

– А теперь снова смотрит волком, только пореже, – хмыкнул Виктор и повернулся обратно к лошади.

Профессор кивнул и поплотнее запахнул шубу, но я заметил, что уголки губ у него дрогнули.

Мы свернули с тракта на просёлок у сгоревшей смолокурни и около полудня подъехали к третьему двору.

Ещё от калитки стало видно, что сад снова цвёл. Пахло мёдом и талой землёй, хотя мороз щипал щёки.

Мы с Гладышевым остановились у калитки и долго смотрели на цветущий сад. Профессор снял шапку и забыл надеть её обратно.

– Ваша работа? – спросил он.

– Отчасти. Идёмте, сейчас сами поймёте, – позвал я.

Виктор спрыгнул с козел и нахмурился, глядя себе под ноги.

– Чувствую, что из земли много тянет, – сказал он негромко.

– Всё правильно: Борис Владимирович ведь оставался тут, чтобы сделать артефакт, – отозвался я.

– Как бы не вышло так же, как у вас, Всеволод. Когда из воды стали тянуть больше, чем надо, – осторожно сказал Гладышев.

И я промолчал. Виктор же остался у саней, ослабив лошади подпругу.

Аникей встретил нас на пороге в накинутах на плечи армяке и смерил профессора долгим взглядом из-под бровей.

– Это кто ещё с тобой, барон?

– Профессор Гладышев из Саратова, – ответил я. – Ему можно доверять, он дал слово.

– Слово, – недоверчиво хмыкнул изгоняющий. – Ну, коли ты за него ручаешься, проходи.

Он посторонился, и мы вошли в жарко натопленную горницу. Пахло воском и сушёными яблоками, а на лавке у окна лежали аккуратно сложенные детские игрушки.

– Я помню вас, профессор, – раздался голос у меня за спиной.

Вельский стоял в дверях дальней комнаты, сложив деревянные руки на груди. Свет из окна лёг на его липовое лицо, и крашенные зрачки блеснули.

– А я вас, признаться, нет, – осторожно ответил Гладышев, не сводя с голема глаз.

– Игнатий Карлович Вельский. Лекарь.

Профессор изумлённо заморгал и сделал полшага назад, к печи.

– Помню, что вы помогали от меня избавиться, – продолжил Вельский.

Гладышев молча слушал, и я видел, как он сжимает ручку саквояжа.

– За это я вам благодарен, – добавил голем.

– Почему же? – спросил профессор, не понимая логики.

– Если делишь человеческое тело с кем-то, никогда не будешь полноценным. А в артефактном теле даже настоящих эмоций уже не испытываешь. Я понял, что природа дорого берёт за попытки её обмануть... Но тут я хотя бы смог себя осознать и многое вспомнить.

Профессор медленно и задумчиво кивнул ему, так и не выпустив ручку саквояжа.

– Не хочу пересказывать всё подробно, – продолжил Вельский. – Но живым я себя уже давно не чувствую. И мы условились с бароном, что как только с паразитами в губернии будет покончено, я смогу уйти.

– С ними покончено, – сказал я. – Граф Бойков вчера отписался. Потому я здесь.

– Неужели?

Механизм у него в груди щёлкнул, и голос впервые за весь разговор потеплел. Сложенные на груди деревянные руки разжались и опустились вдоль тела.

– Что ж, коли дозволение есть, я могу начать прямо сейчас, – вызвался Аникей.

Причину его спешки я понимал и потому не вмешивался. За душу Вельского отвечал он.

Подготовка к ритуалу заняла чуть больше часа. Помогал Аникею даже Борис Владимирович, который вышел к нам из сада с ящиком инструментов и коротко поклонился.

– Вы ещё здесь? – удивился я.

– Вчера закончил с садом, – ответил Листратов. – Ждал вас, барон. Хотел попрощаться.

Выходило, что задержался он здесь не зря. Теперь он сможет по-человечески проститься и с Вельским. Я молча склонил голову, и слова его значили для меня больше, чем он мог подумать.

Когда всё было готово, голем подошёл к Листратову и протянул ему руку.

– Благодарю вас, Борис Владимирович. За голос. Без него я так бы и остался куклой.

Листратов бережно пожал деревянную ладонь, задержав её в своей, и ничего не ответил.

Вельский сел на знакомый мне стул посреди горницы. Помню, к этому самому стулу меня и привязывали, когда Аникей изгонял его из моей головы.

Верёвок на этот раз изгоняющему не понадобилось. Голем положил руки на колени и выпрямил спину.

Аникей встал за спиной Вельского и опустил ладони ему на плечи. Губы его зашевелились, и по горнице пошёл холод, который я помнил по собственному изгнанию.

Слова он напевал, и половины из них я не понимал. Когда на этом стуле сидел я сам, то слышал эти слова изнутри – вместе с Вельским – и чувствовал, как он цепляется за каждую мою мысль, лишь бы остаться.

Месяцы мы прожили с ним в одной голове. Он видел моими глазами и лечил моими руками, а однажды я сам отдал ему волю.

Чтобы видеть ритуал целиком, я перешёл на второе зрение. От души Вельского к деревянному телу тянулись тонкие и светлые нити, и уходили они в каждый сустав и в механизм у него в груди.

Аникей рвал их одну за другой, и я видел, как они лопаются. Пламя свечей на лавках разом качнулось и снова вытянулось ровно.

Когда осталась последняя нить, Вельский закрыл глаза.

– Ну, встречай меня, Аглая, – прошептал он.

Аникей снял ладони с его плеч и отпустил последнюю нить.

Душа вышла из липового тела лёгким, почти прозрачным светом. Она повисела над стулом короткое мгновение, а затем ушла вниз, сквозь половицы, в землю под домом.

Голова голема упала на грудь. Деревянные руки соскользнули с колен и безвольно повисли по бокам.

В горнице стало так тихо, что я различал треск полена в печи. Листратов у стены медленно выдохнул и опустил глаза. Гладышев стоял у печи с раскрытой записной книжкой в руке. Карандаш он так и не поднёс к бумаге, а потом молча закрыл книжку и убрал её в саквояж.

– Его душа ушла вниз, – сказал я. – К жилам земли.

– Почему так? – спросил Гладышев шёпотом.

Аникей медленно отвернулся от стула и повернулся к нам. Лицо у него посерело, на висках выступил пот. Ответил он тоже шёпотом, из последних сил.

– Земля наши души порождает, она наши души и забирает. Теперь он обрёл покой.

Прощаться с Борисом Владимировичем я вышел на крыльцо. Его сани уже стояли у калитки, с поклажей, увязанной под рогожей.

– Спасибо вам за работу, – сказал я. – За всё, что вы для меня сделали. Может, ещё свидимся.

– Надеюсь, что нет, – ответил Листратов, и правая половина его лица чуть дрогнула в улыбке. – Тогда это не будет значить для вас ничего хорошего, барон.

Я кивнул ему на прощание и отступил с дороги. Он сел в сани, тронул вожжи и уехал, ни разу не обернувшись.

Мы с профессором остались у Аникея на чай. Изгоняющий поставил на стол самовар и миску сушёных яблок, затем сел напротив и долго молчал, отогреваясь.

Профессор расспрашивал его о душах, а тот отвечал неохотно и общими словами. Душа держится за тело нитями, и чем дольше живёт в нём, тем нитей больше. Рвать их силой нельзя, отпускать надо по одной. Всё это можно было вычитать в старых книгах, и профессор, кажется, это понимал.

– А что держит душу на земле, когда тела уже нет? – спросил он.

– Недоделанное дело держит душу, – ответил Аникей, помолчав. – Да человек непрощённый. У кого то, у кого другое. У иных и то и другое разом.

– А сад ваш? – спросил Гладышев, кивнув на окно. – Чью душу он хранит?

– Своё, – отрезал Аникей и отвернулся к самовару.

Профессор понял и больше об этом не спрашивал. Поднявшись из-за стола, он указал на деревянное тело, которое так и сидело на стуле, свесив голову.

– А что будет с ним?

– Заберём и передадим людям графа, – ответил я. – Кондратий Фомич найдёт ему достойное применение. Сделает из него стражу или голема для работы. Но уже без души.

Мы с Виктором вдвоём вынесли тело к саням. Липа оказалась тяжёлой, и охотник крикнул, перехватывая её под колени.

Голова голема лежала на соломе набок, и крашенные глаза смотрели в небо. Я наклонился над санями и закрыл их ладонью. Веки из липы поддались не сразу, со скрипом.

На обратном пути мы заехали в Волгин. У ворот графского особняка теперь стояли гвардейцы Вавилова в чужих мундирах, и старший из них, выслушав меня, велел занести тело в сторожку.

– Передайте Кондратию Фомичу, – попросил я. – От барона Дубровского. Он поймёт, что с этим делать.

– Будет исполнено, ваше благородие, – козырнул гвардеец и покосился на липовое лицо под рогожей.

После Волгина Виктор правил медленно, и сани плавно шли по накатанному тракту. Профессор долго сидел молча, глядя на белые поля.

– Я под впечатлением, Всеволод Сергеевич, – сказал он наконец. – И понимаю, зачем вы мне это показали.

– И зачем же?

– Все знают, что Вельский хотел бессмертия. А всё сложилось так, что он сам от него и отказался, – Гладышев снял очки и протёр их краем шарфа. – И думается мне, так будет почти с каждым здравомыслящим человеком. Можно получить лишние годы, но цена будет высока. Если за несколько дополнительных лет приходится платить засохшими деревьями, то за срок побольше заплатила бы уже ваша рука. Целиком отсохла бы, голубчик.

Он посмотрел на мой левый рукав, под которым пряталась синева.

– А если сто лет, то это уже не одна принесённая в жертву жизнь, – кивнул я.

В эту минуту мне невольно вспомнился Часовщик. Он прожил недолго, но и в его случае закон сохранения действовал неукоснительно. Своё время он забирал у других людей.

Тенелист годами пил силу моего леса, и он отдавал ему собственную жизнь.

Ничего в этом мире не бывает просто так.

И при всём этом где-то есть организация, которая стремится к бессмертию. В моих землях она видит почти неисчерпаемые запасы жизненной энергии.

Сперва мне показалось, что цены они попросту не понимают. Но цену они как раз знали лучше профессора и были готовы её заплатить, губя на своём пути всех и вся.

Сани качнуло на ухабе, и Гладышев придержал на коленях саквояж.

– Кстати, о ваших зелёных камнях, Всеволод Сергеевич, – продолжил он, глядя на поля. – В изучении я пока не продвинулся, уж простите старика. Но вы не беспокойтесь. Этими камнями меня не соблазнить, голубчик. Во мне магии что в этой оглобле.

Почти то же самое я уже слышал от него однажды у себя в кабинете, когда забирал камни, и тогда его слова прозвучали разумно и к месту.

А сейчас это звучало совершенно иначе.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.